

ДИАЛОГИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ ПЕРЕВОДА ЮРИДИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

И.И. Ковалевская

Белорусский государственный экономический университет, Минск

В статье рассматриваются стратегии юридического перевода в дискурсивно-диалогической перспективе. К ним относятся форенизация и доместикация, направленные на десубъективизацию содержания дискурса; стратегии контроля и вербального уклонения, использующиеся для «сохранения лица»; а также адаптация темпоральных смыслов к принимающей культуре, реализующаяся посредством их точной, тождественной и гармоничной трансляции.

Ключевые слова: диалогическая стратегия, юридический дискурс, интерсубъектное пространство, десубъективизация, «сохранение лица», адаптация.

В современный период расширения международных контактов неотъемлемой характеристикой успешного специалиста, кроме владения профессиональными компетенциями, является знание особенностей эффективной межкультурной коммуникации в разных сферах деятельности. Глубокие специальные знания требуются для интерпретации документальных текстов (правовых документов, деловых писем, договоров, заявлений и т. п.) и их адекватной передачи на другой язык в политической, правовой, дипломатической, военной, экономической и др. сферах. В этой связи юридический перевод становится объектом пристального внимания в процессе становления основных направлений неофункционализма, которое происходит в отечественной лингвистике начиная с 90-х годов XX века.

Особенностью современного этапа исследования юридического перевода является его рассмотрение в качестве дискурсивного образования, изучение которого охватывает не только его языковые особенности, но также типовые параметры коммуникативной ситуации, коммуникантов, коммуникативной стратегии.

Юридический дискурс определяется как коммуникативное событие, в котором «объективируется специфика юридического профессионального мышления» и формируются такие качества, как интеракциональность, адресность, адресатность, интенциональность, аргументативность, терминологичность, прагматичность, информативность, интерпретируемость [6: 5-6]. Выделенные особенности естественным образом обуславливаются самой правовой системой, в которой функционирует юридический дискурс, и служат основанием для его анализа как процесса когнитивной деятельности субъектов в условиях межкультурной коммуникации в правовой сфере.

Многие проблемы перевода юридического дискурса, по мнению сторонников лингвокультурного подхода, возникают из-за того, что «в переводческий контакт вступают разные правовые системы и правовые культуры». В этой связи

«юридический перевод является в большей степени актом межкультурной коммуникации, чем актом межъязыковой коммуникации» [10: 8]. С этой точки зрения юридический перевод не сводится к собственно межъязыковому обмену информацией, а представляет диалог, эффективность которого достигается посредством использования определённых стратегий в правовой сфере с учётом её социопсихологических, культурологических и языковых особенностей.

Выявление и уточнение диалогических стратегий межкультурной коммуникации в правовой сфере предполагает интерпретацию научных фактов и сведений в различных областях гуманитарного знания. Имеющие к ним отношение известные факты и теории интегрируются в рамках диалогической лингвистической теории, сфокусированной на изучении «языкового сознания, текстов, культур в аспекте принципа диалогизма», дополнившего принципы антропоцентризма, неофункционализма, экспланаторности, характеризующие антропоцентрическую лингвистику, и принцип деривации, характеризующий деривационную грамматику языка [14: 5].

Принцип диалогизма как методологическая установка утверждается в исследованиях М. Бубера, Ю.М. Лотмана, М.М.Бахтина, показывающих связь языка, мысли, сознания, личности, общества, культуры и т.д. Суть этих исследований сводится не к объединению, смешению или слиянию разных аспектов диалогической деятельности, а в установлении отношений между ними, т.е. взаимодействия.

Диалогическая природа коммуникации обуславливается её социальной детерминированностью и проявляется, во-первых, в том, «что реальным статусом субъекта речи в акте коммуникации является не статус адресанта или адресата, а статус отвечающего»; во-вторых, в коммуникативном акте пристальное внимание уделяется не столько идентификационной языковой функции, сколько экспрессивной; и в-третьих, язык предстаёт как диалогическая система, соотносимая одновременно с «я-сферой» и «ты-сферой» и представляющая совокупность языковых средств, выражающих субъективное отношение носителя языка к предмету речи [цит. раб.: 13-18].

Прямое отношение к диалогизму, наличию собеседника, адресата, реципиента имеют социально-психологические и культурно-значимые условия актуализации дискурса. Отбор материала действительности, осмысление этого материала и его речевое воплощение определёнными языковыми средствами в дискурсе обусловлено его диалогичностью, которая служит объединяющим началом для когнитивно-дискурсивного и коммуникативно-дискурсивного, а также традиционного системно-структурного аспектов анализа. Выделенные аспекты интегрируются в рамках дискурсивно-диалогического подхода, предполагающего последовательный анализ стратегического устройства дискурса и его структурируемости согласно авторской диалогической установке. В дискурсивно-диалогической перспективе текст рассматривается как реакция на «чужое слово» [1: 347], отражённая в определённых традициях его оформления. Взаимодействуя с этим словом, текст приобретает стилистически значимую форму, с одной стороны, и направлен на адресата, предвосхищая реакцию которого, наполняется новым смыслом, с другой.

Применительно к переводу юридического дискурса предполагается его анализ, независимо от жанровой принадлежности, как диалогического единства,

в котором отбор и аранжировка языковых средств осуществляется с учетом адресата, и выявление средств диалогизации, в функции которых используются разноуровневые языковые структуры, сигнализирующие о создании зон контакта субъектов коммуникации. Проблемы, связанные с их выделением и изучением, представляются особенно значимыми в плане повышения качества юридического перевода.

Для достижения оптимальной сбалансированности интерпретаций юридического дискурса переводчик организует свою деятельность как диалог с автором и реципиентом. Общение участников правовой коммуникации происходит, таким образом, в пределах интересубъектного пространства, являющегося общей «платформой» для их взаимопонимания. Данное пространство можно соотнести со средой, внутреннее строение которой, согласно концепции гармонизации переводческого пространства Л.В. Кушниной, создаётся взаимодействующими и пересекающимися полями субъектов межкультурной коммуникации: полем автора, полем переводчика и полем реципиента. По мнению автора концепции, ядро переводческого пространства составляет фактологическая информация, которая имеет эксплицитное выражение в исходном тексте и поэтому не представляет особую сложность для передачи на другой язык в отличие от эмотивного смысла и культурологического смысла, составляющих энергетическое и фатическое поля переводческого пространства [7].

Для адекватной передачи эмотивного и культурологического смыслов переводчик вынужден постоянно прояснять условия речевого взаимодействия, соотнося исходный смысл с контекстом, определяющим не только личные, социально-групповые, но и национально-культурные особенности общения.

Для исследования диалогической природы перевода интерес представляет общая типология стратегий, направленных на благополучное разрешение контакта участников межкультурной коммуникации, разработанная в соотнесении с главными параметрами-координатами общего интересубъектного пространства – эпистемностью, акториальностью, пространственностью и темпоральностью [5: 52]. Эти стратегии носят универсальный характер и используются в различных видах дискурса с целью нейтрализации противопоставлений ментальных миров участников межкультурного диалогического общения и направлены на согласование отдельных концептов и ментальных структур, введение в свой мир чужих концептов или «переход» в чужой мир своих концептов.

Исходя из предложенной ранее общей типологии диалогических стратегий, на этапе предпереводческого анализа юридического дискурса выделяется стратегия **десубъективизации** его содержания, важным условием которой является однозначность его понимания, которая отличает юридический язык от языка естественного. Десубъективизация содержания исходного юридического дискурса достигается, с одной стороны, посредством устранения различного рода субъективных проявлений: оценочности, эмоциональности, художественных украшательств и, с другой стороны, посредством интерпретации значений терминов и терминологических словосочетаний, за которыми стоят определенные дефиниции, прошедшие верификацию в юриспруденции как науке и правовой практике.

Терминология права представляет собой систему слов, «использованных для отражения явлений общественной и частной жизни человека, правил и

норм регулирования отношений между людьми, между человеком и обществом» [8: 24], и поэтому в ее составе допускается возможность наличия единиц, заключающих в структуре своего значения оценочный элемент, который имеет ярко выраженные национальные черты, раскрывающие специфику культурно-исторического развития данного общества. Выявление оценочного компонента слов, определяющих какие-либо реалии действительности – объекты, субъекты, их действия и отношения между ними, и, в том числе, подвергающих их оценке, составляет суть десубъективизации содержания юридического дискурса при переводе.

Наглядным примером служат часто используемые в пространстве юридического дискурса понятия *осмотрительность* и *неосторожность*. Значение первого из них определяется как ‘крайняя осторожность, обдуманность в действиях’ [12]; второе означает поступок или действие, совершенное ‘без умысла, внимания к его возможным последствиям’ [11]. Среди предложенных в двуязычных словарях соответствий для передачи на английский язык указанных двух концептов наиболее подходят лексемы *care* – ‘watchful attention, diligence, concern, caution’ (рус. особое внимание, аккуратность, интерес, осторожность) и *negligence* – ‘failure to exercise the care toward others which a reasonable or prudent person would do in the circumstances, or taking action which such a reasonable person would not’ (рус. не проявление должного внимания по отношению к другим в определенных обстоятельствах или совершение неприемлемого действия) [16]. Исходя из дефиниций второго понятия, несложно заметить, что, если *неосторожность* квалифицируется вполне нейтрально, как определенный тип поведения, то представление *negligence* в английском правовом языковом сознании отличается отрицательными коннотациями и, вероятно, ориентацией на конкретные судебные прецеденты. Поэтому при передаче словосочетания *по неосторожности* на английский язык следует воздержаться от использования его прямого соответствия *through negligence* и заменить исходное словосочетание нейтральным в оценочном плане наречием *inadvertently*.

Несмотря на то, что вопрос о таких субъективных проявлениях как оценочность, эмоциональность и экспрессивность сложно решить применительно к переводу юридического дискурса, являющегося наименее благоприятным для отражения индивидуальности и требующего стандартной формы, игнорирование субъективной природы составляющих его высказываний и безразличное отношение к особенностям их жанровых разновидностей «приводят к формализму и чрезмерной абстрактности, искажают историчность исследования, ослабляют связи языка с жизнью. Ведь язык входит в жизнь через конкретные высказывания (реализующие его), через конкретные же высказывания и жизнь входит в язык» [1: 240].

Трактовка терминов и стоящих за ними понятий в конкретной системе права представляет особую трудность при переводе русско- и англоязычного юридического дискурса, т.к. правовые системы славянских и англо-саксонских стран существенно различаются.

Правовая система России и западно-славянских стран (Украина, Белоруссия, Болгария, современная Югославия) основывается на значительной куль-

турно-исторической специфике правовых ценностей славянских стран, к которым Б.М. Емельянов относит христианские представления о справедливости и правде, тесную связь права с государством и их традиционной основы со спецификой православного христианства, а также преобладающие коллективные формы хозяйствования. Унаследовав законодательные традиции римского права, славянская правовая система тем самым по природе источников примыкает к романо-германской правовой семье. В этой связи отечественное законодательство имеет в основном кодифицированный и доктринальный характер, отличающийся особой последовательностью и преемственностью, а также приоритетом закона по сравнению с другими источниками права [3].

В отличие от стран англо-саксонской правовой семьи, включающей в настоящее время в себя собственно право Англии, англоязычных стран и американское право, в России и Беларуси проводится более четкое и глубокое деление права на публичное и частное. К сфере публичного права относятся административное, уголовное, конституционное, международное публичное. К частному относятся гражданское, семейное, трудовое, международное частное право.

В условиях межкультурной коммуникации в правовой сфере принципиальное значение имеет то, как понятия, относящиеся к каждой из выделенных сфер права, интерпретируются в процессе применения и правопользования в славянских и англо-саксонских странах.

В качестве основных проблем перевода, возникающих главным образом из-за вступления в контакт разных правовых систем и правовых культур, Т.П. Некрасова рассматривает факторы объективного и субъективного порядка. К первым автор относит наличие терминов, отражающих правовую специфику; многозначность и вариативность терминов, о которой уже упоминалось выше; их семантическую непрозрачность и др. Другие включают принцип первой ассоциации, всеобщие терминологические заблуждения и пр. Основным способом решения выделенных проблем на этапе предпереводческого анализа юридического дискурса является «создание определённой системы “переводческих” координат с юридически и лингвистически обоснованным выбором определенных межъязыковых терминологических соответствий», которая основывалась бы на понимании выделенных выше факторов, порождающих переводческие трудности [10: 5-9].

Лингвистическим и культурологическим ориентиром для решения указанных выше проблем на этапе собственно перевода юридического дискурса служат стратегии форенизации (a foreignizing method) и доместикации (a domesticating method), понятия которых были введены американским теоретиком перевода Л. Вентури [17: 20].

Форенизация, направленная на сохранение иностранных языковых и культурных ценностей и приближение читателя к автору, является особо важным аспектом при переводе юридических терминов, поскольку позволяет сохранить и донести их до читателя в адекватной оригиналу форме, например, переведенными транскрибированием или транслитерацией: *Контракт* – *Contract*, *Контрактор* – *Contractor*, *персонал* – *personnel*; калькированием: *право* – *right*, *платежи* – *payments*, *товары* – *goods*, *услуги* – *services*; или посредством комбинирования выделенных переводческих приемов: *Нефтяные*

Операции – Petroleum Operations. Форенизация используется при переводе юридических терминов, несущих основную когнитивную информацию и характеризующихся в своем большинстве однозначностью, отсутствием эмоциональной окраски, независимостью от контекста. В случае использования юридических терминов, отсутствующих в языке-реципиенте либо частично совпадающих с оригинальным текстом, рекомендуется использовать описательный перевод либо транскрибирование, транслитерирование с комментарием.

Примерами терминов, отражающих правовую специфику страны, могут служить отдельные названия кодексов в основных отраслях права Республики Беларусь. Наличие крупных актов кодификации характерно в целом для романо-германской правовой семьи, к которой относится и отечественное право. В англо-саксонской правовой системе нет аналогов таких названий, как *Бюджетный кодекс*, *Гражданский кодекс*, *Жилищный кодекс* и т.п., поэтому в официально установленных англоязычных толковых словарях юридических терминов, например, в Юридическом словаре Блэка, нельзя найти их дефиниции. Поскольку предложенные в Мультитране соответствия *Budget Code*, *Civil Code*, *Housing Code* не являются понятными для реципиента, необходимо дать описание чуждых для языка-реципиента терминов с опорой на данные авторитетных источников, например Национальной юридической энциклопедии, в соответствии с которой под *Бюджетным кодексом* подразумевается ‘кодифицированный федеральный законодательный акт, регулирующий бюджетные отношения в государстве’; *Гражданский кодекс* определяется как ‘основной источник гражданского права, систематизированный нормативный акт, содержащий нормы гражданского права’; *Жилищный кодекс* – ‘кодификационный законодательный акт жилищного законодательства, регулирующий жилищные общественные отношения’ [9]. Данные дефиниции могут быть преобразованы в следующий комментарий к выделенным англоязычным соответствиям, который рекомендуется представить при переводе в сокращенной форме: *Budget Code* – ‘a collection of laws connected with fiscal control’, *Civil Code* – ‘the set of laws adopted in relation to the Civil Law’, *Housing Code* – ‘a compendium of laws that apply to the government’s housing policies’.

Форенизация считается также целесообразной при переводе аббревиатур организационно-правовых форм и названий различных компаний. Так, использование *LLC (Limited Liability Company)* при переводе наименования *ООО «Пилот»*, на взгляд специалистов в переводческом агентстве «Тетран», ошибочно [13]. Во-первых, можно подумать, что это иностранная компания; и, во-вторых, *LLC* в законодательном плане не соответствует *ООО*, так как они не являются полными аналогами. С учетом этого рекомендуется использовать транслитерацию и изменить место написания аббревиатуры, так как за рубежом принято указывать организационно-правовую форму после наименования. В итоге правильный вариант перевода: *Pilot, ООО*.

Когда значение переведенных с помощью приемов форенизации юридических терминов не является мотивированным для адресата и в языке перевода отсутствуют их переводческие соответствия, рекомендуется использовать стратегию *доместикации*, позволяющую приблизить автора к читателю, поскольку она учитывает культурные ценности языка перевода. Наиболее удачным среди приемов доместикации является функциональный

аналог исходного термина в языке перевода без лингвокультурных пояснений. К примеру, при выборе англоязычного аналога понятия *социальная пенсия*, под которым подразумевается ‘государственная денежная выплата гражданам, не имеющим права на трудовую пенсию по старости, по инвалидности, за выслугу лет или по случаю потери кормильца’ [9], важно обратить внимание на ключевое в дефиниции слово *выплата*. В качестве его англоязычного эквивалента используется слово *benefit*, которое широко применяется в контексте различных словосочетаний в англо-саксонском праве: *child benefit*, *death benefit*, *employee benefit*, *housing benefit* и т.п. Среди приведенных в Кембриджском словаре терминологических словосочетаний со словом *benefit* наиболее близким по значению к исходному русскому термину является *welfare benefit* – ‘money paid by the government to people who are ill, poor, or have no job’ [15]. Использование данного термина в качестве функционального аналога является в большей степени целесообразным при переводе, чем калькирование или громоздкое пояснение, раскрывающее суть различий системы социальных гарантий в англоязычных странах и в Республике Беларусь.

Условием эффективного диалога между коммуникантами является нахождение переводчиком наилучшей дистанции между ними. В этой связи в переводе юридического дискурса предполагаются адаптационные изменения, направленные на то, что можно было бы назвать **сохранением лица**. В разных лингвокультурах существуют разные способы данной адаптации.

Юридический дискурс выполняет регламентирующую функцию, которая проявляется в описании конкретных обязательств сторон по отношению друг к другу, возникающих в связи с обоюдным подписанием соглашения, с одной стороны, и в определении дополнительных прав, полномочий и возможностей, с другой. Если неанглоязычные коммуниканты при выполнении выделенной функции в большинстве случаев реализуют **стратегию контроля**, то между англоязычными коммуникантами чаще проявляется тенденция к использованию стратегии **вербального уклонения**, которая может реализовываться различными способами, позволяющими завуалировать коммуникативное намерение [4: 184]. Одним из наиболее распространённых из них является замена форм долженствования, частотность употребления которых в юридическом дискурсе достаточно высока ввиду того, что в его основе лежат намерения партнёров заставить друг друга выполнить определённые обязательства с целью получить некую заранее известную выгоду, обезопасить себя от возможных недобросовестных действий другой стороны, нарушающей условия соглашения. В приведённом ниже фрагменте договора о совместном предприятии русское краткое прилагательное «должны» заменяется модальным глаголом «shall», выполняющим функцию связующего звена и являющимся менее категоричным средством выражения долженствования в англоязычном договорном дискурсе, чем *must*:

В соответствии с Правилами Урегулирования и Арбитража Международной Торговой Палаты, (3) (три) арбитра должны разрешить спор, возникший в соответствии с данным Контрактом и заявленным для Арбитража. *Three (3) arbitrators in accordance with the Rules of Conciliation and Arbitration of the International Chamber of Commerce shall settle any dispute referred to arbitration under this Contract.* <https://miripravo.ru>

Юридический дискурс реализуется при дистантном положении сторон, выступающих как равноправные партнеры, имеющие свои права и обязанности, и сочетает социально-регулятивный, этикетный и модальный аспекты, которыми обуславливается разнообразие способов перевода, направленных на эффективное речевое взаимодействие. Нахождение наилучшей дистанции между сторонами, принадлежащими к разным культурам, осуществляется переводчиком, который, приближаясь к адресату перевода, соответственно, удаляется от автора и, наоборот, приближается к нему, удаляясь от адресата. Подобные передвижения в пространстве и связанные с ними взаимодействия во времени осуществляются благодаря предвосхищению (антиципации) понимания и, соответственно, направлены на **адаптацию временных смыслов** в процессе межкультурного общения. Адаптация темпоральных смыслов в пространстве межкультурного делового дискурса рассматривается как неотъемлемый компонент переводческой деятельности Н.Ю.Георгиевой, которая в соотнесении с основными уровнями оценки качества перевода выделяет адаптивные стратегии дисгармоничной, точной, тождественной и гармоничной трансляции темпоральных смыслов [2: 121].

По мнению автора, успешное транспонирование фактуального содержания дискурса в правовой сфере достигается посредством **точной и тождественной трансляции темпоральных смыслов**, которая реализуется с помощью прямых словарных соответствий. Так, в переводе следующего фрагмента контракта о совместном предприятии исходные хрононимы «срок существования», «срок» представлены как «term», соответствующим данным русско-английского словаря:

Срок существования Совместного Предприятия составляет 20 (двадцать) лет, начиная с Моментa инкорпорации. Вышеназванный срок может быть дополнительно дважды продлен на 20 лет. Решение о продлении принимает Руководящий Совет.

The term of this Joint Venture Contract is twenty (20) years, commencing from the Incorporation Moment. The above term shall continue for 20 years, with two additional options to renew for 20 years each option. Such options shall be decided by Board of Management. <https://miripravo.ru>

С целью **тождественной трансляции темпоральных смыслов** переводчик при передаче сообщения о возможности двукратного дополнительного продления срока заменяет страдательный залог действительным (*может быть ... продлен – shall continue*) и добавляет независимый инфинитивный оборот (*with two additional options to renew for 20 years each option*).

При передаче на английский язык следующего фрагмента договора о создании совместного предприятия полное взаимопонимание коммуникантов достигается благодаря **гармоничной трансляции темпоральных смыслов**, которая в конкретном случае обеспечивается смысловым развитием (*сразу после регистрации совместного предприятия – as soon as receipt of the registration certificate*), заключающимся в замене процесса действия его следствием. Данная стратегия приводит к порождению нового смысла, который естественным образом воспринимается адресатом перевода, и соотносится с высшим уровнем качественного перевода:

Стороны вносят свой капитал в полном соответствии с графиком внесения капитала сразу после регистрации совместного предприятия в компетентном органе власти (юрисдикция) (далее "Момент инкорпорации"). *The parties undertake to contribute their respective capital fully according to the schedule of capital contribution as soon as receipt of the registration certificate in the relevant government body of _____ (jurisdiction) ("Incorporation Moment").*
<https://miripravo.ru>

Исходя из предложенного выше переводческого анализа фрагментов юридического дискурса, можно выделить диалогические стратегии перевода трёх основных типов – десубъективизации содержания дискурса, сохранения лица и адаптации временных смыслов. С учётом объективных и субъективных факторов, затрудняющих процесс перевода, к первому типу были отнесены стратегии форенизации и доместикации, определяемые степенью адаптации перевода к нормам принимающей культуры; ко второму типу – стратегии контроля и вербального уклонения, выбор которых зависит от направления перевода; и к третьему типу – стратегии точной, тождественной и гармоничной трансляции временных смыслов, направленные на достижение взаимопонимания коммуникантов с различными временными кодами.

Способы реализации диалогических стратегий перевода юридического дискурса обуславливаются межличностными отношениями коммуникантов, формирующимися в контексте интересубъектного пространства, и заслуживают пристального внимания и дальнейшего изучения.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.
2. Георгиева Н.Ю. Адаптивные стратегии перевода темпоральных смыслов в межкультурном деловом дискурсе // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. №2. С. 119–124.
3. Емельянов Б.М., Правкин С.А. Теория государства и права: курс лекций. М.: МИЭМП, 2004. [Электронный ресурс]. URL: <https://lawbook.online/gosudarstva-prava-teoriya/lektsiya-pravovyye-sistemyi-sovremennogo-30455.html>. (Дата обращения: 26.07.2020.)
4. Ковалевская И.И. Типология стратегий в диалогической модели перевода документального дискурса // Журнал Белорусского государственного университета. Филология. 2018. №3. С. 49–58.
5. Колесникова Л.В. Юридический дискурс как результат категоризации и концептуализации действительности: на материале предметно-терминологической области «Международное частное право»: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Л.В. Колесникова; Ставропольский гос. ун-т. Ставрополь, 2007. 19 с.
6. Кушнина Л. В. Теория гармонизации: опыт когнитивного анализа переводческого пространства. Пермь: Изд-во Пермского государственного университета. 2009. 196 с.
7. Макшанцева Е.А. Специфика оценочного компонента в структуре значения юридического термина (на материале русского и английского языка): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Е.А. Макшанцева; Саратовская гос. юрид. ак.-я. Саратов, 2001. 177 с.
8. Национальная юридическая энциклопедия. URL: <https://determiner.ru>. (Дата обращения: 15.01.2020.)
9. Некрасова Т.П. Особенности перевода юридической терминологии с русского языка на английский язык: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Т.П. Некрасова; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. М., 2013. 24 с.

10. Словарь русского языка Ожегова. 2012. URL: <https://slovar.cc/rus/ojegov/600076.html>. (Дата обращения: 26.07.2019.)
11. Толковый словарь русского языка Ушакова. 2012. URL: <https://slovar.cc/rus/ushakov/423169.html>. (Дата обращения: 26.07.2019.)
12. Что использовать при переводе: «ООО» или «LLC». URL: <https://tetran.ru/SiteContent/Details/15>. (Дата обращения: 10.01.2020.)
13. Шпильная Н.Н. Принцип диалогизма и его объяснительный потенциал при описании лексической системы русского языка // Диалогическая лингвистика: коллективная монография. Барнаул : АлтГПУ, 2019. С. 7–21.
14. Cambridge Dictionary. Mode of access: <https://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/английский>. (Date of access: 26.01.2020.)
15. Legal Dictionary. URL: <https://legal-dictionary.thefreedictionary.com>. (Date of access: 26.07.2019.)
16. Venuti L. The Translator's Invisibility. A History of Translation. London: Routledge; 2008. 366 p.

DIALOGIC STRATEGIES OF LEGAL DISCOURSE TRANSLATION

Irina Kovalevskaya

Belarus State Economic University, Minsk

The article considers the strategies of legal translation in the discursive dialogic perspective. They include foreignizing and domesticating aimed at the desubjectivization of the discourse contents; control strategy and verbal communication avoidance strategy used to save face; as well as adaptation of temporal meanings to the target culture that is achieved through their accurate, adequate and harmonic communication.

Keywords: *dialogic strategy, legal discourse, intersubjective space, desubjectivization, saving face, adaptation.*

Об авторе:

КОВАЛЕВСКАЯ Ирина Ивановна – кандидат филологических наук, доцент; зав. кафедрой межкультурной экономической коммуникации факультета международных бизнес-коммуникаций БГЭУ, kovalevskaya@bseu.by